КАТАРИНА МЭЙН

РАЗВОД В 48

Я тебя выходила

Катарина Мэйн

Развод в 48. Я тебя выходила

«Автор»
2026

Мэйн К.

Развод в 48. Я тебя выходила / К. Мэйн — «Автор», 2026

Мне сорок восемь. Полтора года я возила Аркадия на лечение и вставала к нему по ночам. Сегодня я купила нам путёвки к морю. Мы двадцать пять лет женаты, и я всё ещё радуюсь, что он снова может сам застегнуть рубашку.
А он уже договорился об отпуске с другой.Я ухожу из дома, но по привычке пишу ему «Ты поел?» и стираю сообщение. Вечером за мной заезжает Глеб. Он зовёт меня на ужин, а я вдруг ловлю себя на том, что жду его звонка.Когда Аркадий просит вернуться, мне хочется согласиться. И тут Жанна присылает голосовую запись. Я ещё не дослушала, а муж уже тянется к моему телефону.

© Мэйн К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 19
Глава 5 24
Глава 6 28
Глава 7 31
Глава 8 35
Глава 9 39
Глава 10 43
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Катарина Мэйн
Развод в 48. Я тебя выходила

Глава 1

— Только не говори, что опять взяла номер с видом на стройку.

Я поворачиваю к Аркадию ноутбук.

— На море. Хотя, если тебе так хочется, могу попросить, чтобы под окнами что-нибудь покрасили.

Аркадий достаёт из холодильника воду, и я невольно задерживаю взгляд на его руке. Часы сидят как раньше. Ещё осенью ремешок болтался, приходилось застёгивать на другую дырочку, а я всё притворялась, что не замечаю, как он похудел. Теперь снова приходится покупать брюки побольше. Я вчера ворчала на цены, пока он примерял, и чуть не расплакалась в магазине от счастья.

— Смотри, — говорю я. — Вот этот корпус. До пляжа недалеко, и подниматься никуда не надо. Помнишь, как мы в прошлый раз по этой лестнице ползли? Ты сказал, что на следующий год берёшь отпуск отдельно от моих спортивных амбиций.

Аркадий ставит воду на стол. Пробка остаётся у него в руке.

— Инна, ты уже оплатила?

— Да. Сегодня подтвердили.

Он смотрит на экран, и я успеваю пожалеть, что не посоветовалась. Хотя даты мы обсуждали. В воскресенье он сам сказал: в мае можно, главное — не попасть на отчётную неделю. Я ещё спросила, точно ли хочет. Муж отмахнулся: «А ты думаешь, мне эта зима нравится?»

— Можно было дешевле, — торопливо добавляю я. — Но оттуда до моря далеко, а здесь пляж рядом.

— Я не про деньги.

Я оставляю руку на тачпаде. Наверное, на работе опять что-нибудь поменялось. Только бы не переносить: я столько вечеров просидела за этим ноутбуком, пока не нашла гостиницу, где и до воды близко, и номер не на верхотуре.

На плите щёлкает остывающая конфорка. Ужин уже готов, можно было сначала поесть, но мне не терпелось показать ему гостиницу. Я даже представляла, как он начнёт придираться, а потом сам позвонит Лере похвастаться, что мы наконец едем.

— Что с датами? Тебе на работе отпуск перенесли?

— С датами всё нормально.

Он садится напротив, через стол, хотя обычно садится сбоку от меня. Я машинально подтягиваю к себе чашку, чтобы не мешала ему поставить локти.

— Тогда что?

— Мне нужно с тобой поговорить.

От этих слов у меня сразу всё обрывается внутри. Так он начал разговор полтора года назад в больнице: с трудом выговаривал длинные слова, злился, а я наклонилась поближе и сказала, чтобы не торопился. Я здесь, никуда не денусь.

Сейчас он не запинается.

— Я поеду отдыхать с Жанной.

— С какой Жанной?

Он трёт пальцем ребристый край пробки.

— Ты её не знаешь.

— Кто ещё едет?

Аркадий поднимает глаза.

Если бы я хоть на секунду перестала задавать вопросы, пришлось бы понять, что он говорит. Поэтому я жду ещё чьих-нибудь имён. Партнёров, знакомых, кого угодно. Пусть окажется, что он без меня согласился ехать большой компанией, а я просто не так услышала. Я ведь даже на это сейчас согласна.

— Мы вдвоём, Инна.

Я тянусь к ноутбуку и разворачиваю его обратно. В браузере приходится снова искать страницу гостиницы. Зачем-то нажимаю на фотографию ванной комнаты. Раковина широкая, а душ без бортика. Аркадию будет удобно заходить.

Я убираю руку.

— У тебя другая женщина?

— Да.

У меня не получается вдохнуть как следует. Я сижу перед ним и зачем-то стараюсь держать лицо, будто всё это происходит при посторонних и надо потерпеть до дома. Но мы дома. Он сказал «да» за нашим столом, под которым ещё утром касался моей ноги, пока мы завтракали.

— И ты с ней поедешь на море?

— Мы собирались в другое место.

— А. В другое.

Он сжимает пробку в ладони.

— Я понимаю, как это звучит.

— Правда?

— Не надо сразу делать из этого скандал.

— Что — сразу?

Я говорю громче, чем собиралась. Аркадий отводит взгляд к двери, и мне становится обидно ещё до того, как он что-то отвечает. Я знаю этот взгляд: сейчас попросит потише. То соседи услышат, то у него голова от шума болит. У меня самой уже давно голова гудит.

— Дай мне объяснить.

Я отодвигаю чашку. Она задевает блюдце, остатки чая выплёскиваются на стол.

Аркадий смотрит на лужицу. Раньше он подал бы салфетку. Или пошутил, что я опять топлю имущество. Мы двадцать пять лет живём вместе. У нас даже для пролитого чая есть своя дурацкая фраза.

Я вытираю стол рукавом домашней кофты.

— Объясняй.

— Я не хотел, чтобы ты узнала случайно. Тем более сейчас, когда ты купила поездку.

— Как хорошо, что я купила. А то когда бы ты собрался?

— Инна.

— Ты ей сказал, что у тебя жена?

— Конечно.

«Конечно», — отвечает он сразу, почти с обидой, будто я спросила что-то оскорбительное.

— И она знает, кто всё это время за тобой ухаживал?

Я не дожидаюсь ответа. Столько раз мысленно хвасталась: мы справились, мы его вытащили. Врач говорил, что динамика хорошая, Аркадий возвращался к работе, а я радовалась даже тому, что он снова сердится на телефон посреди ужина. Значит, всё возвращается. Значит, можно уже не бояться.

Он же просил меня не уходить.

Ночью звал из соседней комнаты, и я вставала, хотя от усталости иногда уже не понимала, где дверь. Уговаривал остаться ещё на полчаса перед работой. Я думала, что ему со мной легче,

и оставалась. А теперь даже спросить не могу: когда ты успел перестать меня любить? До того, как позвал, или после?

— Я тебе очень благодарен, — говорит Аркадий.

Я резко встаю. Стул ударяется спинкой о подоконник.

— Не надо.

— Ты много для меня сделала. Я этого не забуду.

— Хватит!

Он замолкает, и я сразу пугаюсь, что накричала. Смотрю ему в лицо: цвет обычный, рот не перекошен, обе руки на столе. Сама же замечаю, куда смотрю, и отворачиваюсь к плите.

На ужин рыба с картошкой. Я выбрала кусок рыбы без костей: Аркадий терпеть не может возиться с ними. Картошку он сам попросил утром. Я ещё напомнила, что вчера ел её в офисе, он засмеялся: «Следишь за мной, Лаврова?»

Следила бы — наверное, знала бы про Жанну.

— Ты её любишь?

За моей спиной скрипит стул.

— Да.

— А меня?

Теперь он молчит.

Он молчит, а я всё ещё надеюсь выпросить нужный ответ. Пусть скажет, что запутался, что любит нас обеих, — я бы сейчас вцепилась даже в это, а потом всю ночь думала, как его удержать. Меня от самой себя мутит. Я ведь должна кричать, гнать его из кухни, а стою и жду, выберет ли он меня хоть каким-нибудь словом.

— Ты мне очень близкий человек.

Я прижимаю ладонь ко рту. Кожа пахнет средством для посуды.

Аркадий встаёт.

— Давай сядем. Поговорим нормально. Нам обоим сейчас тяжело.

— Тебе тоже?

— Ты думаешь, легко вот так перечеркнуть столько лет?

Я смотрю на него, и он поправляется:

— Я ничего не перечёркиваю. У нас было много хорошего.

Мы стоим по разные стороны маленького кухонного стола. Я могла бы дотянуться до него, как утром, когда поправила ему подвёрнутый воротник рубашки. Муж тогда наклонил голову, поцеловал меня в висок. Потом ушёл в офис. А я по дороге на работу оплатила нам отдых.

— Зачем ты меня сегодня поцеловал?

Аркадий смотрит на меня с недоумением.

— Что?

— Утром ты уже знал, что скажешь мне про неё. Зачем тогда поцеловал?

— Инна, ну…

Он разводит руками.

Мне хочется ударить его. Я даже смотрю на его щёку — как будто примеряюсь. Потом замечаю, что он всё ещё держит эту проклятую пробку.

— Закрути уже бутылку.

Он послушно поворачивается к столу.

Я прохожу мимо него в коридор. В спальне достаю с антресоли дорожную сумку. Она цепляется ремнём за коробку, та едет к краю, я успеваю подхватить её локтем. Внутри новогодние украшения. Крышка приоткрывается, и на пол вываливается серебряная звезда.

Аркадий появляется в дверях, когда я запихиваю в сумку бельё.

— Ты куда собралась?

— Не знаю пока.

— Не делай глупостей. Я же тебя не выгоняю.

Я останавливаюсь с тёплыми колготками в руке.

— Спасибо.

— Зачем так? Я хочу всё решить по-человечески. Тебе можно подобрать хорошую квартиру. Поменьше, но в нормальном районе. Ты сама говорила, что здесь одной убирать устанешь.

Я действительно жаловалась на эту квартиру, когда он ещё до болезни уезжал к партнёрам. Ворчала, что с такими полами суббота целиком уходит на уборку. Он пообещал вернуться и помыть полы за меня, и ведь помыл, без напоминаний. Я лежала в ванной, слышала, как он гремит чем-то на кухне, и гадала, что теперь придётся оттирать после его ужина. Он потом принёс мне тарелку, сам сел на край ванны. Мы смеялись. Я не придумала тот вечер.

Мне становится так жалко тот вечер, что я сажусь на край кровати.

— Инна, — мягче говорит муж. — Я не оставлю тебя без денег. И Лере всё объясню. Только сначала сами успокоимся.

Я беру с тумбочки телефон.

Дочь отвечает на четвёртом гудке. На заднем плане шумит дорога.

— Мам, я ещё не дома. Что купить?

Мы должны были в субботу вместе выбрать ей светильник. Я сказала, что привезу свои старые образцы, чтобы не покупать по картинке. Она обрадовалась: «Хоть маму увижу, а то всё папа да папа».

— Лер, ты можешь за мной приехать?

— А что случилось?

Аркадий делает шаг к кровати.

— Дай мне поговорить.

Я отвожу телефон от его руки.

— Приедешь, дочка?

— Сейчас. Я сейчас такси вызову. Ты где?

— Дома.

Он тихо произносит моё имя, но я уже говорю дочери, что буду ждать. Отключаюсь и кладу телефон в карман сумки.

Я собираю вещи слишком быстро, потому что боюсь: сейчас он скажет что-нибудь знакомое, назовёт меня так, как звал только дома, и я останусь сидеть на кровати. Забираю ноутбук с зарядкой, вытаскиваю из шкафа платье на завтра. В ванной кладу в сумку щётку и крем. Синюю папку из ящика укладываю сверху, даже не взглянув на корешок.

— Это моя, — говорит Аркадий.

Я смотрю на бумажный корешок с его фамилией.

Вытаскиваю папку из сумки. Прижимаю к груди, не понимая, куда положить. Если положу её обратно в ящик, он опять будет звонить и спрашивать, где она. Лучше оставить папку на столе, чтобы сразу увидел.

— Инна.

Протягиваю папку ему.

— Сам убери.

На звонок домофона я выхожу с открытой сумкой. Аркадий тянется к её ручкам; я прижимаю сумку к себе.

Лера входит, даже не расстегнув куртку. Сначала смотрит на меня, потом на отца.

— Что случилось?

— Мы с мамой немного повздорили, — говорит Аркадий. — Лер, не надо было бросать всё и мчаться. Она сейчас очень расстроена.

— Пап, из-за чего?

Мне стыдно перед дочерью за сумку, за старую кофту, за то, что пришлось её вызвать. И ещё страшнее, что сейчас она выслушает отца, попросит меня успокоиться и всё окажется обычной ссорой, после которой мне нужно остаться.

— У папы другая женщина, Лер. Он с ней отдыхать едет. А я сегодня купила нам с ним путёвки.

— Мама сейчас очень остро всё воспринимает.

— У тебя есть другая? — Лера поворачивается к нему всем корпусом. — Папа?

Аркадий проводит рукой по лицу.

— Да. Но давайте без этого. Не начинайте обе, вы же знаете, что мне нельзя нервничать.

Глава 2

— А мне можно? — спрашиваю я.

Аркадий не сразу понимает.

— Что?

— Мне, значит, можно нервничать?

Лера забирает у меня сумку. Муж берётся за другую ручку, и дочь смотрит на его пальцы.

— Пусти, пап.

— Она тяжёлая.

— Я вижу.

Они несколько секунд стоят, держась за одну сумку. Я не выдерживаю, сама разжимаю ему пальцы.

— Отдай. Мы уходим.

— Вы так себя ведёте, будто я вас из дома выгнал.

Лера ему не отвечает и открывает входную дверь. Ей мешает сумка, я подхватываю её снизу, и мы вдвоём протискиваемся на площадку. За спиной муж зовёт меня.

Я оборачиваюсь.

— Ключи у тебя есть?

Я чуть не отвечаю, что забыла. Тогда пришлось бы вернуться. Он придержал бы дверь и опять заговорил со мной тихим голосом. Я даже знаю, куда поставила бы сумку. Дочь с той стороны дёргает ручку, и я крепче придерживаю сумку снизу.

— Есть.

— Ну вот. Успокоишься — вернёшься. Поговорим без зрителей.

Лера резко втягивает воздух, но я касаюсь её рукава. Не надо. У меня сейчас нет сил ещё и на то, чтобы они поссорились из-за меня.

В такси дочь садится рядом. Всю дорогу держит мою руку, отчего неудобно доставать телефон. Аркадий пишет через семь минут: «Дай знать, как доедете».

Я смотрю на сообщение, пока экран не гаснет.

— Мы доехали, — говорю Лере уже в лифте.

Она поворачивает голову.

— Мам?

Я показываю телефон.

— Он волнуется.

У дочери дрожит нижняя губа.

— За кого, мам?

Лифт останавливается. Я убираю телефон, помогаю ей развернуть сумку перед узкой дверью и больше не пытаюсь ответить.

У Леры в ванной на моей полке стоит её краска для волос. Дочь, заметив, торопливо сгребает флаконы.

— Я сейчас уберу. Ты же обычно предупреждаешь, а сегодня я не успела убрать.

— Лерочка, оставь.

— Я быстро. Сейчас ещё полотенце тебе дам.

Она роняет пачку ватных дисков и так сердито ругается, что я приседаю помочь. Мы обе собираем их с пола, сталкиваемся руками. Я замечаю у неё под глазами размазанную тушь и не понимаю, когда она успела заплакать. Пока ехала за мной? В такси сидела совсем спокойная, ещё водителю объясняла, где свернуть.

Лера садится рядом на корточки.

— Давно у него?

Я складываю диски в ладонь.

— Не спросила.

— А кто она?

— Жанна.

— И всё?

Я киваю.

Дочь берёт у меня скомканную упаковку, вместе с дисками выбрасывает в ведёрко. Я хочу сказать, что чистые ещё, можно оставить. Молчу. Она прижимается лбом к моему плечу.

— Я его сейчас ненавижу.

Я глажу её по волосам и почти произношу привычное: не говори так, это твой папа. Сколько раз я их мирила. Даже после выпускного, на который он не успел, объясняла, что на работе не всё от него зависит. Лера тогда сердилась и на меня: «Мам, я знаю, он занят. Можно мне хоть дома пообижаться?» Сейчас она прижимается ко мне, ждёт ответа, а я так устала защищать его перед ней.

— Я тоже, — шепчу я.

И почти сразу начинаю плакать, потому что это правда только наполовину. Мне хочется, чтобы он пришёл за мной, сел вот здесь на этот холодный пол и сказал, что дурак. Что он зря меня напугал и никуда не уйдёт. Я бы ударила его, наверное. А потом вцепилась бы в рубашку и долго не отпускала.

Лера ничего не спрашивает. Сидит со мной, пока у неё не затекают ноги.

* * *

Утром я просыпаюсь раньше будильника. В комнате темно, сумка лежит поперёк прохода. Я не сразу вспоминаю, почему я здесь.

Потом тянусь к телефону.

В половине восьмого пора будить Аркадия.

Я переворачиваюсь на другой бок и прячу руку под подушку.

Через стену слышно, как Лера включает душ. У неё сегодня встреча с заказчиками. Она вчера написала об этом. Тогда я ещё отправила ей фотографию гостиницы: «Смотри, куда родителей увезут». Она поставила сердечко.

Мне бы лежать здесь до вечера, пока дочь не вернётся, и не встречаться ни с кем. Только Лера уже второй раз прошла по коридору тише обычного. Слышит, что я не сплю, и не знает, можно ли зайти. Ей на работу надо, а она из-за меня крадётся по собственной квартире. Я сажусь, ищу тапочки и вспоминаю, что оставила их дома. Всё у меня теперь осталось там.

В дверь тихо стучат.

— Мам, ты не спишь? Я могу позже выехать.

— Не надо. Я тоже на работу.

В сумке мнётся платье. Я разглаживаю его ладонями, прошу у дочери утюг. Она несколько раз заглядывает из коридора, пока я глажу.

— Мам, может, сегодня останешься дома?

— У тебя дома, Лер.

Она хмурится.

— Ты поняла, что я сказала.

— Я поняла. У нас встреча с Ракитиным, я не могу её пропустить.

— Кто это?

— Заказчик. Новый объект. Очень хочет, чтобы всё было вчера.

Дочь пытается улыбнуться, но у неё не получается. Я выключаю утюг, подхожу к ней, обнимаю за плечи. Она выше меня и сейчас стоит босиком, поджав одну ногу, совсем как в детстве, когда ждала, пока я закончу телефонный разговор.

— Езжай. Не опаздывай из-за меня.

Она всё-таки просит написать, как доберусь. Я обещаю.

В офисе никто не смотрит на меня дольше обычного. Секретарь здоровается, спрашивает, заварить ли кофе к десяти. У моего стола Оксана объясняет монтажнику, почему нельзя привозить мебель в пятницу вечером. Увидев меня, прикрывает телефон ладонью.

— Инна, у тебя же всё согласовано по третьему этажу?

Я снимаю пальто.

— Вчера отправила. Посмотри второе письмо. Там исправленные размеры.

— Прекрасно.

Она уходит к себе, продолжая разговор. Я сажусь, открываю ноутбук. На экране гостиница. Вчера я просто захлопнула крышку.

Закрываю страницу и сразу жалею. Хочется ещё посмотреть на море, хоть на картинке.

— Инна Андреевна?

Рядом стоит курьер с образцами. Он ждёт подписи, показывает, куда нажать, и я вдруг не могу вспомнить, как обычно расписываюсь на таком экране. Наконец вывожу фамилию кое-как, благодарю его слишком громко. Курьер уже уходит, а я всё ещё стою возле коробки и думаю, заметил ли он, что со мной что-то не так.

К десяти образцы лежат в переговорной. Я ещё раз проверяю схему помещений и замечаю, что в распечатке Оксаны остались прежние даты.

— Здесь надо поменять, — говорю ей, когда она входит. — После переноса перегородок доставка сдвинулась. Я пометила в письме.

— Сейчас обсудим.

— Оксан, мы же не можем показывать старый график.

За дверью слышится мужской голос. Она прижимает палец к губам, улыбаясь уже вошедшему человеку.

— Глеб Сергеевич, доброе утро.

Ракитин останавливается у стола. Я узнаю голос, хотя до этого мы говорили только по телефону. Он не начинает разговор, пока я не поднимаю голову. У него светлая рубашка, короткая стрижка, над бровью белый шрам. Я зачем-то запоминаю этот шрам, лишь бы не думать о собственном лице: утром пыталась убрать припухлость холодной водой, но, наверное, всё видно.

— Мы раньше не встречались? — спрашивает он.

— По телефону говорили. Лаврова Инна Андреевна.

— Ракитин. Глеб.

Он протягивает руку. Ладонь тёплая, пожатие короткое. Я успеваю подумать, что давно не здоровалась с мужчиной за руку. У нас обычно кивают через стол.

Входит Римма Викторовна, директор. Просит прощения за минутное опоздание, предлагает начать. Я сажусь рядом с Оксаной, открываю свою схему.

Первые несколько минут всё идёт обычно. Ракитин просит показать второй вариант отделки, возвращает неподходящий образец. Оксана предлагает вместо него вариант подороже. Он спрашивает, что именно получит за разницу, и не принимает первое расплывчатое объяснение. Мне даже становится легче: есть предмет разговора, понятный вопрос. Я даже перестаю прислушиваться к телефону в сумке.

Но тут Оксана открывает график.

— Седьмого апреля начинаем установку, — говорит она.

Я поворачиваюсь к ней.

— Нет. Здесь прежняя дата.

Оксана кладёт ладонь на лист, будто он может куда-нибудь убежать.

— Инна, мы же договорились оставить эту дату.

— К седьмому помещения ещё не будут готовы. Перегородки перенесли, и мы всё перемерили. По старым размерам мебель отгружать нельзя.

Ракитин перестаёт постукивать ручкой по краю блокнота.

— Когда вы об этом узнали?

— Вчера, в понедельник. Вчера, в понедельник. Сразу отправила новые размеры.

— Мне?

— Руководителю проекта.

Он смотрит на Оксану. Она объясняет, что изменения локальные и можно было начать с другой части этажа. Я слышу, как быстро она говорит, и мне хочется замолчать. Дать ей самой решить. Раньше я бы дождалась конца встречи, подошла к Римме Викторовне, ещё раз показала письмо. Сегодня силы кончаются прямо посреди Оксаниной фразы.

— У нас общая поставка, — говорю я. — Начать с другой части можно. Привезти всё и оставить в коридоре нельзя.

Ракитин откидывается на спинку стула.

— То есть вы сейчас предлагаете мне согласовать дату, которая ничего не значит?

— Я предлагаю как раз другую.

— Я спрашиваю у руководителя.

Он говорит резко, и у меня начинает гореть лицо. Пожалуйста, только бы сейчас не заплакать. Из-за чужого мужчины, которому нужен его проклятый этаж.

— Тогда спросите, — отвечаю я. — Только дата от этого не изменится.

Оксана оборачивается. Римма Викторовна снимает очки.

Я уже готова извиниться перед Оксаной. Ей-то я сколько раз говорила, что с заказчиками спорят иначе: сначала соглашаются, потом объясняют. А сама сижу и не могу выдавить ни одного вежливого слова. Только бы не расплакаться при них. Тогда уже никакие сроки никого интересовать не будут.

— Покажите свой вариант, — говорит Ракитин.

Я придвигаю к нему лист. Он наклоняется, ведёт ручкой вдоль отмеченного участка, задаёт несколько коротких вопросов. На третий вопрос я ответить не могу.

— Уточню у замерщика. До двенадцати дам вам ответ.

— Хорошо.

Я поднимаю глаза. Он смотрит на меня уже иначе, без прежнего нетерпения, но улыбаться не собирается.

— Почему это не вы согласовываете со мной напрямую?

Римма Викторовна складывает очки и кладёт их на стол.

— Инна Андреевна у нас ведущий специалист. Мы предлагали ей руководить направлением, но в тот момент были семейные обстоятельства. Она отказалась. Сейчас проект ведёт Оксана.

Мне хочется схватить со стола свою распечатку. Зачем об этом говорить? Что он должен теперь сделать — пожалеть, что я просидела полтора года возле мужа? Я даже Римме Викторовне про Аркадия ничего не сказала.

Ракитин придвигает график ко мне. Край листа выскальзывает из-под Оксаниной ладони.

— А если я попрошу вас самой довести проект до конца, вы тоже откажетесь?

Глава 3

— Вместо Оксаны? — спрашиваю я.

Оксана убирает руку с графика. Ракитин даже не смотрит в её сторону.

— Мне нужно, чтобы кто-то назвал срок и отвечал за него. Вы согласны?

Я едва не соглашаюсь. Так просто, оказывается: кто-то спросил, могу ли я, и сразу хочется доказать, что могу ещё как. Но Оксана сидит рядом. Мы сегодня утром вместе эти коробки несли, она рассказывала, что опять дома до ночи доделывала график. А я сейчас возьму и скажу при директоре, чтобы отдали мне её работу?

— За свою часть я отвечу, — говорю я. — Вопрос с замером решу сегодня. Но весь проект я сейчас не возьму.

— Почему?

— У Оксаны весь проект. По третьему этажу я могу ответить прямо сейчас. А по остальному мне сначала разобраться надо. Вы хотите, чтобы я пообещала, а потом начала выяснять, на что согласилась?

Римма Викторовна подаётся вперёд.

— Инна может отдельно вести комплектацию третьего этажа. Согласования по этой части пойдут через неё. Общий проект остаётся у Оксаны.

Оксана поворачивается к директору:

— Мне об этом никто не говорил.

— Сейчас говорю. После встречи обсудим загрузку и доплату.

Под столом я вжимаю каблуки в пол. Только что хотела сказать «да», а теперь ноги не держат.

— Меня устроит, — говорит Ракитин. — Свои вопросы вам отправляю?

— По третьему этажу — мне.

Он записывает что-то в блокнот, потом смотрит на часы.

— Я в четверг буду на объекте. В десять. Если есть что показать, приезжайте.

— Будет.

Ракитин поднимается. Я тоже встаю, собираю образцы в коробку, чтобы не смотреть, как Оксана торопливо закрывает папку.

— Инна Андреевна.

Я оборачиваюсь. Он придерживает дверь, ожидая ответа.

— По замеру не забудьте. До двенадцати.

— Я помню.

— Вот и хорошо.

Когда он уходит, я захлопываю крышку коробки. Распечатку оставляю сверху: придётся ещё раз пройтись по всем датам.

Оксана ждёт у стола.

— Ты могла мне вчера позвонить.

— Я позвонила. Ты сказала прислать письмом.

Она отворачивается. Я уже жалею, что так отрезала: можно было после встречи показать письмо, поговорить без него. Но стоит вспомнить, как она приложила палец к губам, и мне опять не хочется ничего сглаживать.

— Ладно. Давай вечером сверим график по третьему этажу.

— Сверю.

До двенадцати я успеваю поговорить с замерщиком и отправить Ракитину ответ. Он пишет: «Принял». На том же экране ниже висит вчерашнее сообщение мужа. Я наконец отвечаю: «Доехали».

Он звонит сразу.

Я смотрю, как вспыхивает фотография. Снимала его летом, на даче у друзей. Он закрывает лицо от солнца ладонью и смеётся, потому что я попросила сделать серьёзный вид. Можно убрать фотографию. Это ведь просто настройка.

Звонок заканчивается раньше, чем я нахожу, где её изменить.

* * *

В среду вечером я возвращаюсь за вещами. Пишу заранее, чтобы он был дома. Не могу объяснить себе, зачем мне нужно, чтобы он был дома. Одной проще собирать вещи. Но я с утра перебираю вопросы и боюсь, что к вечеру опять передумаю.

Лера предлагает приехать со мной. Я отказываюсь, и она сердится.

— Мам, он опять тебе наговорит с три короба.

— Мне нужны вещи.

— Я привезу.

— Лер, я сама.

Дочь молчит в трубку. Я слышу, как рядом с ней кто-то спрашивает про образцы ткани. Она прикрывает микрофон, отвечает кому-то и снова говорит в трубку:

— Позвони, когда выйдешь.

Я обещаю. Ещё неделю назад я сама сердилась, когда она долго не отвечала.

Аркадий открывает прежде, чем я успеваю достать ключи.

— Ты чего звонишь? У тебя же есть ключи.

В прихожей пахнет свежей стиркой. На вешалке моя синяя куртка, зимние ботинки стоят под ней так, как я оставила. Я ещё не сняла пальто, а уже машинально отодвигаю его обувь, чтобы не споткнуться. Потом замечаю, что делаю, и злюсь. Даже отсюда уйти нормально не могу, всё мне нужно за ним поправить.

— Есть будешь? — спрашивает муж. — Я заказал.

На кухне стоят две коробки. Он всегда заказывает слишком много, будто нас до сих пор трое. Лера съехала два года назад, а я ещё почти год варила лишнюю порцию каши.

— Нет.

— Ну присядь хоть. Ты же поговорить хотела.

Я снимаю пальто, вешаю возле его куртки. Сумку оставляю у входа в спальню. Прохожу на кухню и сажусь на тот же стул, с которого встала позавчера.

— Давно это у тебя?

Аркадий двигает ко мне бутылку воды. Не пьёт. Я тоже не беру.

— Инна, имеет значение, сколько именно?

Я киваю. Медленно, чтобы он не сделал вид, что не заметил.

— Имеет. Когда?

— Мы познакомились по работе, когда у них менялся поставщик.

— Когда ты начал с ней спать?

Аркадий отшатывается от моих слов, хотя я не повысила голос. Ему неприятно это слышать. А мне как, Аркаш? Как мне спросить, что ты с ней делал, чтобы ты не обиделся на меня же? Я бы и чужому человеку, который толкнул меня в очереди, сказала «извините». Сейчас сижу напротив мужа и повторю ещё грубее, если опять не ответит.

— Зачем так?

— А как надо? С какого времени вы вместе? Она когда появилась? Выбирай, как тебе проще ответить.

Он сидит, прижав ладони к коленям. Я не вижу его пальцев, и от этого злюсь ещё сильнее.

— До болезни, — говорит он наконец.

У холодильника начинает гудеть мотор.

— За сколько до болезни?

— За несколько месяцев.

Я смотрю на дверцу. Там магнит с моря, маленькая красная машинка. Ещё до Лериного переезда у неё отломалось колесо. Аркадий приклеил его, испачкал клеем пальцы, долго ругался. Вечером я смеялась, потому что он никак не мог открыть банку крема — крышка липла к ладони.

Это было раньше? Или уже тогда?

— Весной? Летом?

— В июне.

В сентябре он заболел.

Я вспоминаю июнь, пытаюсь достать из него что-то определённое. Мы ездили покупать новый матрас. Два часа лежали на чужих кроватях в торговом центре, Аркадий устал и заснул, пока продавец рассказывал про пружины. Я сфотографировала его и отправила снимок Лере. «Папу берём вместе с экспонатом». Вечером он нашёл снимок у дочери и потребовал авторский гонорар.

— Так ты уже тогда с ней был?

Спросила, хотя он уже назвал месяц. Муж молчит, потом говорит:

— Я не собирался тебя обманывать годами.

— А полтора года — это сколько, по-твоему?

— Ты знаешь, что произошло.

Я наклоняюсь вперёд.

— Знаю. Я там была.

— Вот именно. Как бы я сказал тебе в больнице? Или потом, когда я даже ложку толком в руке удержать не мог?

Он замолкает и смотрит в сторону. Слабость левой руки почти незаметна теперь. Я помню, как он прятал её от гостей, как злился на упавшую ложку. Брала ложку, вытирала, подавала другую. Однажды он оттолкнул мою руку так, что тарелка уехала на край стола. Через минуту попросил прощения. Я сказала: «Ну чего ты, я же понимаю».

Я правда понимала. Тогда.

— Ты с ней разговаривал? Пока я тебя возила? Пока мы дома занимались?

— Инна…

— Больше мне не у кого спросить. Разговаривал?

— Разговаривал.

Я встаю. Сидеть напротив него больше не могу: он так смотрит, будто я сейчас пойму, как ему было трудно, и перестану спрашивать. Не перестану. Только мне надо отойти, хоть до двери, потому что я уже думаю, как бы снова вцепиться ему в руку и заставить выслушать всё, чего он не хочет слышать. Он тоже поднимается и встаёт у меня на пути.

— Ты ей говорил, что хочешь уйти, а я тебя не отпускаю? — спрашиваю я. — Или что ты ей говорил? Как ты это называл?

— Я не говорил, что ты меня не отпускаешь.

— Тогда что говорил?!

Он отступает. Я прохожу в спальню, распахиваю шкаф. На полке лежат его футболки. Сама сложила стопкой по цветам, потому что он жаловался, что не может найти серую. Рядом мои свитеры, один рукав зажат дверцей.

Я вытаскиваю свитер, бросаю на кровать. Потом ещё один. Если остановлюсь, начну спрашивать, что у неё такого. Я уже хочу. Сколько ей лет, какие волосы, как она на него смотрела. Нет, нельзя спрашивать. Он ответит, и я буду знать.

Аркадий стоит в дверях.

— Мы можем всё обсудить спокойно. Я же не скрываюсь.

Я оборачиваюсь так резко, что он замолкает.

— Уже не скрываешься?

— Хорошо. Я виноват. Я должен был сказать раньше.

— Когда раньше? Перед тем, как я тебя из больницы забирала?

Он смотрит на пол возле кровати. Я тоже опускаю глаза. Серебряная звезда всё ещё лежит у ножки тумбочки. Два дня.

Я поднимаю звезду и несу к шкафу, потом останавливаюсь: коробка наверху, сумка открыта, Аркадий стоит у двери и смотрит, как я хожу с этой игрушкой. Меня вдруг злит, что он уберёт её после моего ухода. Поднимет коробку, захлопнет крышку. В декабре сам достанет, нарядит ёлку — без меня.

— Дай, — говорит муж.

Я протягиваю ему игрушку. Он берёт осторожно, касается моих пальцев.

От знакомого прикосновения мне вдруг хочется придвинуться. Уткнуться в грудь, чтобы не видеть его лица. Он заметит, обнимет, будет гладить по спине — умеет же. Я знаю, как умеет.

Я отдёргиваю руку и снова поворачиваюсь к шкафу.

— Ты с ней всё это время был? Даже когда я отказалась от работы, чтобы с тобой возиться?

— Ты не от работы отказалась. Ты работаешь.

Я закрываю глаза.

— От повышения. Помнишь? Я тебя спросила. Ты сказал: «Давай пока без поездок, Инна. Мне страшно одному». Помнишь?

Муж молчит.

— Я приходила к тебе в комнату, когда тебе было страшно. А ты потом ей звонил?

Он кладёт звезду на комод.

— Я не звонил ей при тебе.

Я смеюсь, и на втором выдохе смех застревает в горле.

— Спасибо, Аркаша. Хоть за это спасибо.

Он сердится:

— Ты сейчас хочешь меня растоптать? Я понимаю. Но я тоже живой человек. Я тогда думал, что не выкарабкаюсь.

— Не надо.

— Я не хочу всю жизнь жить так, как тогда.

— А мне, по-твоему, не было страшно? Я тогда тоже думала, как мы теперь жить будем. Мне говорили: главное, что вместе, остальное наладится. И я тебе это говорила. Каждый день! Ты хоть раз подумал, что я тебе верю?

Аркадий отходит к окну. Я вытираю лицо рукавом, расстёгиваю сумку. Вещи ложатся как попало. Складывать аккуратно не буду. У Леры разберу.

— Квартиру посмотришь? — спрашивает он после паузы.

Я не сразу связываю вопрос с собой.

— Какую?

— О которой говорил. На Садовой. Я тебе пришлю. Рядом транспорт, хороший дом. Давай вместе съездим, чтобы ты потом не говорила, что я за тебя решил.

Из-за его спины виден наш двор. Во дворе липы, ещё голые, и горка, у которой я в январе по полчаса ждала Леру. «Ещё разочек, мам», — просила она. Дочь тогда носила красную шапку с длинными ушами. Аркадий приезжал за нами с работы, грел ей руки в своих ладонях.

— Ты меня уже переселил?

— Я ищу решение. Думал, ты это оценишь.

Я застёгиваю сумку.

— Пришли. Я посмотрю, что ты нашёл.

Аркадий выдыхает, почти улыбается. Я ещё даже не согласилась ни на что, а ему уже хорошо. Добавляю:

— Но ничего подписывать сейчас не буду.

— Я и не тороплю.

Проверяю телефон: три сообщения от Леры. Отвечаю, что всё нормально. Стираю. Пишу: «Собираюсь выходить».

Муж идёт за мной в коридор. Смотрит, как я надеваю сапоги, тянется к сумке. Я берусь за ручки раньше него.

У двери всё-таки спрашиваю:

— Она знает, кто тебя полтора года на ноги ставил?

Аркадий морщится.

— Знает, Инна.

— И её всё устраивало?

— Мы договорились, что она подождёт.

Глава 4

— Подождёт чего?

Аркадий смотрит на мою сумку, потом мне в лицо.

— Пока я восстановлюсь.

Я стою в одном застёгнутом сапоге. Молния на втором заела возле щиколотки. Уже пора выйти, а я всё ещё держусь за язычок и не могу заставить себя наклониться.

— А я чего, по-твоему, ждала?

— Инна, ну зачем ты так?

— Я чего ждала, Аркаш?

Он отводит взгляд.

Я с силой дёргаю молнию. Ткань чулка попала между зубцами, тянется вверх. Будет дырка. На мне последние целые тёмные колготки, остальные дома у дочери, в сумке, которую даже не разобрала.

— Сядь, — говорит муж. — Сейчас порвёшь.

Я отпускаю молнию, поправляю сапог и оставляю его расстёгнутым и беру сумку.

— Ты уже тогда знал, что уйдёшь?

Он отвечает не сразу.

— Я не знал, смогу ли вообще нормально жить. Ты помнишь, в каком я был состоянии. Врачи ничего не обещали.

— Я спросила про нас.

— Мы с ней говорили разное. Я и сам тогда не понимал, чего хочу. Мне было страшно. Тебе сейчас легко об этом судить.

Я поднимаю на него глаза. Он отводит взгляд первым.

— Давай не будем продолжать этот разговор у двери, — говорит он тише. — Проходи, я помогу тебе с сапогом.

Я нажимаю ручку двери.

На лестнице у окна стоит чужой велосипед. Я обхожу его, задеваю сумкой педаль и вдруг начинаю злиться на хозяев. Как можно так ставить? Тут люди ходят. А если ночью кто-нибудь его не заметит? Вот на этих соседей я могла бы сейчас орать. И не ждать потом, что они позвонят.

В лифте я наконец высвобождаю колготки из молнии. На большом пальце остаётся чёрная полоска.

Звоню Лере.

— Вышла.

— Ты как?

— Сейчас приеду.

Больше говорить не могу. Дочь слышит, что я дышу в трубку, и не отключается, пока я сама не нажимаю отбой.

* * *

В четверг на объекте Ракитин замечает мою обувь. Я так и не починила сапог, расстёгнутое голенище болтается, когда поднимаюсь по лестнице. Приходится придерживать его ладонью.

— Лифт работает, — говорит он. — Здесь ещё один пролёт.

— Я дойду.

— Вижу. Лифт слева.

Он сворачивает первым, придерживает створку, пока я дохожу. Его прораб торопится следом, продолжая что-то объяснять. Ракитин выслушивает, потом просит показать место, из-за которого перенесли перегородку.

Я успеваю забыть про сапог. На полу отмечено, где раньше стояла стена, и теперь отлично видно, почему мебель, которую мы подобрали по старым размерам, здесь не поместится. Ракитин молча смотрит, потом поворачивается к прорабу.

— Лаврова вам звонила насчёт перегородки?

Тот кивает.

— Тогда почему мне сказали, что всё остаётся как было?

Я отворачиваюсь к окну. Не хочу стоять между ними, пока выясняют, кто что передал. На другой стороне улицы женщина поправляет мальчику шапку. Он вырывается, показывает на школьный автобус.

— Инна Андреевна.

Возвращаюсь к Ракитину. Он ждёт, пока я подойду.

— Покажите новый вариант. Здесь, на месте.

Я открываю папку, встаю рядом. Он наклоняется к листу, рубашка у локтя касается моего рукава. Я чуть отодвигаюсь, чтобы удобнее было держать схему. Он спрашивает про ширину прохода, а я разглядываю маленькую родинку у него под глазом. Приходится попросить повторить.

В двенадцать я уезжаю. С Риммой Викторовной заранее договорилась о нескольких часах за свой счёт. Она хотела уточнить причину, но посмотрела на меня и сказала только: «К четырём появись, если сможешь». Я обещала работать вечером из дома.

Из дома. Пока мы обе делаем вид, что понимаем, о чём речь.

На Садовой меня ждёт Аркадий. Стоит возле подъезда, в хорошем пальто, придерживает открытую дверь. Улыбается, когда видит меня. На секунду я тоже начинаю улыбаться. По привычке: приехал, дождался, сейчас пойдём вместе.

— Сапог сломался? — спрашивает он.

Я прохожу мимо.

В квартире пахнет краской. Хозяин водит нас по комнатам и объясняет, что готов оставить мебель. Комнат две, кухня соединена с гостиной. Муж уточняет про окна во двор. Хозяин распахивает одно, впуская холодный воздух.

— Тихо, — говорит Аркадий. — И до работы тебе удобно добираться.

Я смотрю на стол у окна. За ним можно сидеть с ноутбуком. В углу светлое кресло, на спинке ещё магазинная бирка. Видно, что квартиру приводили в порядок для продажи, здесь сейчас никто не живёт.

Она хорошая. От этого почему-то ещё обиднее.

Можно было бы просто сказать, что плохая, уйти. А здесь нормальные окна, хороший пол, в спальне помещается шкаф. Муж действительно выбирал. Думал, где мне будет удобно, пока я выбирала нам гостиницу.

— Ну как? — спрашивает он.

Хозяин отходит, делает вид, что отвечает на сообщение.

— Ты её когда нашёл?

— Недавно. Вера прислала, я сразу понял, что тебе подойдёт.

Вера продавала квартиру его матери. Я её помню, она всегда приносит с собой бахилы и очень громко разговаривает по телефону.

— Что значит — подойдёт? Я должна сюда переехать, а наша останется тебе?

— Надо смотреть, как всё оформить. Я хотел сначала показать. Ты же сама согласилась.

— Я согласилась только посмотреть.

— Ну так посмотри. Нормальный дом, всё рядом. Я бы взял на твоём месте.

Я разворачиваюсь к нему.

— На моём месте ты бы взял?

Он понимает, но поздно.

— Я про квартиру, Инна. Мы можем хотя бы пять минут про квартиру поговорить?

Хозяин поднимает голову от телефона. У меня горят щёки. Сейчас ещё начнёт сочувствовать. Муж жену переселяет, а она перебирает.

— Спасибо, — говорю ему. — Мне надо подумать.

Аркадий догоняет меня уже у лифта.

— Ты будешь каждое предложение встречать в штыки? Я пытаюсь сделать так, чтобы ты не пострадала.

Я нажимаю кнопку. Она не загорается, приходится нажать ещё раз.

— Уже не получилось.

Он идёт со мной до выхода. Я позволяю, потому что не могу спорить в чужом подъезде. На улице муж предлагает отвезти к Лере.

— Я на работу.

— Давай подвезу.

Я почти иду за ним. В его машине можно наконец снять это пальто, согреться, закрыть глаза на десять минут. Он бы довёз меня, разбудил и подождал, пока я выберусь, — я всё это знаю заранее. И именно поэтому остаюсь на тротуаре. Уже представляю, как потом буду вспоминать дорогу и гадать, почему он всё ещё обо мне заботится, если любит другую.

— Не надо, — отвечаю я и заказываю такси.

* * *

Вечером я звоню Вере сама. Прошу найти квартиру в аренду, называю сумму. Она уточняет, надолго ли, и я отвечаю: пока на месяц, потом буду решать.

— Мне с Аркадием это обсудить?

— Со мной поговори, Вер.

Она притихает. Потом говорит уже другим голосом:

— Хорошо. Я поищу.

По её совету на следующий день я коротко разговариваю с юристом. Мне задают несколько простых вопросов, на которые я не знаю ответа. Кому какая доля принадлежит? Когда всё оформили? Какие бумаги у меня на руках? Я помню, как мы выбирали обои в гостиную, помню, где потекло окно после первой зимы. А вот папку с документами всё время держал Аркадий.

Записываю, что нужно найти. Не подписываю ничего из присланного мужем и прошу время разобраться. Он отвечает: «Я что, похож на человека, который тебя обманет?»

Я перечитываю сообщение дважды. Потом кладу телефон экраном вниз.

В пятницу, шестого марта, Вера находит однокомнатную недалеко от метро. Лера едет со мной после работы, сердится на навигатор, который ведёт вокруг дома. Мы проходим нужный подъезд и возвращаемся. На лестнице дочь поднимает мою сумку на плечо, хотя там только ноутбук и бутылка воды.

— Лер, я сама могу.

— Я тоже.

Хозяйка показывает, как раскладывается диван, предупреждает про горячую воду. Лера спрашивает за меня, где сушить бельё, можно ли переставить стол. Я отвечаю, что всё понятно, хотя почти не слушаю. У окна можно поставить мой ноутбук, в шкаф поместятся вещи, которые я забрала. Меня устраивает даже этот жёсткий диван, лишь бы сейчас не ехать смотреть ещё одну квартиру и снова объяснять чужим людям, почему мне нужна квартира на одного человека.

Лера открывает окно, проверяет ручку. Хозяйка предлагает оставить нас на несколько минут.

— Мам, может, ещё посмотрим? — шепчет дочь, как только та выходит на кухню.

— Что тебе не нравится?

— Диван. И ванная маленькая.

Я сажусь на край дивана. Он жёстче нашего, но не проваливается.

— Нормальный. До работы полчаса, до тебя тоже недалеко. Я потяну.

— Папа мог бы помочь тебе снять квартиру получше.

Она сразу отводит взгляд, будто пожалела, что это сказала. Я делаю вид, что не заметила.

— На месяц хватит, Лер. Дальше посмотрим.

Я соглашаюсь, пока Лера не успела придумать, что здесь ещё проверить. При хозяйке дочь уже не спорит, только смотрит, как я перевожу деньги. Из накоплений сразу уходит столько, что я ещё раз проверяю сумму. Не ошиблась. Я ведь ещё неделю назад могла купить себе что-нибудь без этого сжатия в животе. Путёвки придётся отменить. Займусь этим потом, когда не надо будет объяснять незнакомой женщине, почему я никуда не еду.

По дороге за сумками Лера всё-таки заводит меня в магазин. Я прошу не набирать много, а она уже кладёт в корзину сыр, яйца, хлеб, спрашивает, что я буду завтра на завтрак. Я отвечаю ей так раздражённо, что она останавливается. Она же помочь хочет. Я это понимаю и всё равно едва держусь, чтобы не бросить: у меня есть деньги, я сама куплю. Кому я это доказываю?

— Возьми сыр, который сама любишь, — говорю ей возле холодильника.

— Мам, я же продукты для тебя покупаю.

— Я знаю. Возьми тот, что тебе нравится. Будешь есть, когда придёшь в гости.

Она смотрит на меня, потом опускает глаза к ценникам и кивает.

Потом мы несём вещи в новую квартиру. Сумка цепляется за дверной косяк, я опять ругаюсь, что взяла такую широкую сумку. Лера ставит пакеты, снимает пальто. Сразу распахивает шкаф.

— Вешалки где? А, вот. Платья давай сюда.

Мы разбираем молча. Я нахожу в кармане кофты сложенный вчетверо лист и разворачиваю. Телефон реабилитационного центра, даты занятий, пометки на полях. Это старое расписание, сейчас уже другое, но фамилия нового специалиста написана как раз здесь. Аркадий её всё время забывает.

Кладу лист отдельно, рядом с телефоном.

— Это что? — спрашивает Лера.

— Папино. Надо ему переслать.

Дочь так и замирает с платьем в руках.

— У него самого нет?

— Есть. Только он не найдёт.

— И что?

Я беру телефон. Надо просто сфотографировать, отправить и выбросить бумажку. Дочь стоит передо мной с моим платьем в руках. Я отвожу от неё экран, как будто собираюсь написать что-то постыдное.

— Лер, ну зачем? Это минута.

— Он сам может позвонить в центр.

— Может. А может забыть. Ты же знаешь, как он.

— У него теперь Жанна.

Я резко опускаю телефон.

— А Жанна откуда знает, к кому его записывали? Она там ни разу не была!

Лера вздрагивает, и я тут же обижаюсь на неё за этот испуг. Думает, я совсем уже с ума сошла из-за папы. Может, и сошла. Но она видела его после больницы, сама мне звонила

спросить, что он сегодня смог. Почему теперь я одна должна притвориться, что мне всё равно, попадёт ли он к врачу?

— А если он опять пропустит? — спрашиваю тише.

— Мам, ты к нему вернуться хочешь?

Глава 5

— Не знаю, — отвечаю я.

Лера садится, сдвинув платье к подлокотнику. Пока она стояла у шкафа, можно было отвечать, не поворачивая головы. Теперь она сидит прямо напротив.

— Мам, ты его столько времени на ноги ставила. И вот как он с тобой обошёлся.

— Я помню, Лер.

— Тогда почему не знаешь?

Я поворачиваю листок напечатанной стороной вниз.

— Потому что я четыре дня назад думала, что поеду с ним на море. И всё ещё хочу, чтобы мне было куда вернуться. Не на Садовую. Не сюда. Домой.

Дочь молчит. На диване лежит платье с вывернутым рукавом. Я беру его, пытаюсь найти вешалку, но Лера забирает у меня и платье, и пустую вешалку.

— Я не прошу тебя к нему возвращаться.

— Я знаю.

— И зачем тогда ему писать?

— Потому что я знаю, где у него всё лежит!

Я кричу так неожиданно, что сама пугаюсь. Смотрю на дверь, за которой недавно ушла хозяйка, понижаю голос:

— Я полтора года знала, когда ему нужно вставать, куда ехать, что взять с собой. Я ночью просыпалась и слушала, как он дышит. А теперь у тебя спросить должна, можно мне фамилию врача ему отправить или нельзя?

Лера бледнеет.

— Я не это сказала.

— Зато ты всё время так смотришь. Как будто я дура. Отпустить его не могу, бумажку выбросить не могу. Ты что от меня хочешь? Чтобы я его уже не любила?

Дочь кладёт платье на спинку дивана.

— Я хочу, чтобы он тебя больше не обижал.

Она не злится в ответ. Стоит передо мной, а я уже не знаю, как к ней подойти после того, что наговорила. Дочка ведь не виновата ни в чём, даже в том, что ей сейчас легче разозлиться на отца. Я отвожу глаза, потому что она ещё и жалеть меня начнёт, а этого я уже не вынесу.

Лера надевает пальто, повернувшись ко мне спиной.

— Мне завтра рано вставать. Я поеду.

Я хочу остановить её, но во рту пересохло. Пока я подбираю слова, она обнимает меня — торопливо, не прижимаясь как раньше.

— Напиши, если что-то надо.

После её ухода я сижу на диване, с которого даже не убрала вещи. Отправить фотографию теперь всё равно что ещё раз накричать на Леру, только за её спиной. Не отправляю. Убираю расписание в ящик стола и думаю, позвонит ли Аркадий сам. Не потому, что я нашла ему бумажку. Просто спросит, как я тут устроилась. Мне за эту надежду так стыдно, что даже дочери её не скажу.

Ночью пишу Лере: «Я тебя обидела. Прости». Она отвечает утром: «Я тебя люблю». Следом присылает снимок забытого у неё зарядного устройства.

Я долго смотрю на фотографию. Потом тоже пишу, что люблю. Про бумажку больше не говорю.

* * *

В понедельник Римма Викторовна подзывает меня после планёрки.

— Мне Вера звонила. Говорит, ты квартиру сняла.

Я замираю возле её стола. Не подумала, что Вера знает не только Аркадия. Она ведь и наш старый офис помогала сдавать.

— Мы с мужем расходимся, — говорю я.

Римма Викторовна снимает очки.

— Господи, ты же полтора года за ним ухаживала.

Она больше ничего не говорит. Я разглядываю трещинку на крышке её телефона. Полтора года все начинали со мной разговор о муже. Как он, лучше ли рука, вернулся ли на работу. Теперь будут начинать вот так.

— Мне отпуск сейчас не нужен, — торопливо говорю я. — И третий этаж я доведу. Мы уже сдвинули сроки, и мне ещё надо согласовать поставку.

— Инна, подожди. Я не собираюсь отстранять тебя от проекта.

Я киваю. Сразу, слишком охотно.

— В четверг жду обновлённую комплектацию, — продолжает она после паузы. — С Оксаной проговори всё. Мне ваши молчаливые войны сейчас совсем ни к чему.

— Мы работаем нормально.

— Тогда замечательно.

Она возвращается к бумагам, и я выхожу, рада, что не начала меня жалеть. Хотя минутой раньше хотелось, чтобы кто-нибудь сказал: посиди сегодня дома, я разберусь. Сама бы отказалась. Но услышать хотелось.

После обеда еду на объект. Оксана занята на другом адресе, у нас с монтажником короткий осмотр. Я уже собираюсь уходить, когда из лифта выходит Ракитин.

— Как раз хотел вам позвонить.

Я открываю папку.

— По замене? Вчера прислали два варианта, но один по цвету не подходит.

— По замене я письмо видел. Хорошо. Вы сейчас уходите?

— Да.

Он снимает пальто и перекидывает через локоть. Когда он сгибает руку, манжета задирается. Под ремешком часов видна узкая светлая полоска кожи. Мужчина передо мной стоит, а я вспоминаю, когда последний раз вот так кого-нибудь разглядывала. Ракитин оборачивается, и я поспешно поднимаю папку.

— У вас что-то ещё? — спрашиваю я.

— Хотел посмотреть тот образец, который вы забраковали. Он здесь?

Возвращаемся в комнату, где сложены коробки. Я вытаскиваю из одной кусок панели. Ракитин подносит к окну, сравнивает с отделкой стены.

— Разница небольшая.

— На кусочке. Когда поставим рядом восемь столов, заметите.

— За это цветовое упражнение хотят ещё две недели.

— Хотят. Я тоже не в восторге.

Он прикладывает панель ещё раз. На полу возле стены щепки, мелкая белая крошка от штукатурки. Я чуть сдвигаюсь, чтобы не встать каблуком.

— Если бы здесь сидели ваши люди, вы бы оставили? — спрашивает он.

— Своим, может, и оставила бы. А вам мы обещали одинаковые.

Ракитин снова прикладывает панель к стене.

— Быстрее никак?

— Я ещё позвоню. Пока говорят, что две недели.

— Хорошо. Меняйте.

Я забираю панель и ставлю в коробку.

— Хоть здесь можно добиться, чтобы сделали, как обещали.

Ракитин протягивает ладонь к коробке, которую я тяну за край.

— Оставьте. Сейчас ребята уберут.

Я отпускаю картон. Пальцы в пыли. Я уже успела вытереть руки о юбку. На ткани осталась белая полоса. Он замечает, достаёт из кармана чистый бумажный платок.

— Вот.

Телефон звонит, пока я вытираю руки. На экране Аркадий. Мне уже хочется выбросить его фотографию вместе с телефоном.

— Слушаю.

— Инна, ты куда документы по машине убрала?

Он говорит так, будто я вышла в магазин и вот-вот вернусь.

— В ящике комода.

— Нет их здесь.

— Слева, в прозрачной папке.

— Тут какие-то старые бумаги. Ты можешь посмотреть у себя? Вдруг забрала.

Я зажмуриваюсь. Перед глазами наш комод, верхний ящик. В левой части две папки, одна поверх другой. Надо поднять верхнюю, под ней лежит то, что ему нужно.

— Подними верхнюю.

— Тут квитанции.

Ракитин отходит к окну, утыкается в телефон. Я слышу, как Аркадий выдвигает ящик до конца.

— Посмотри под квитанциями. Там синяя обложка.

— Нет. Инн, зайди вечером, а? Ты же сама перекладывала.

Я открываю глаза. Ракитин стоит спиной. Не слышит? Конечно слышит. Ну подними ты верхнюю папку, Аркаша. Пожалуйста.

— Сегодня не зайду. Я на работе.

— Я не сейчас прошу. Когда закончишь.

— У меня свои дела.

Пауза в трубке тянется так долго, что я успеваю пожалеть о тоне.

— Ясно, — произносит муж. — Хорошо. Сам разберусь.

Отключается.

Он уже отключился, а я всё ещё готова объяснять, где эта проклятая папка. До того хочется, чтобы нашёл, что могу сейчас позвонить обратно и провести его по всем ящикам. Ракитин стоит у окна, и я наконец убираю телефон. У меня хотя бы перед чужим человеком должно хватить гордости не перезванивать.

Ракитин убирает свой телефон.

— Вас отвезти?

— Нет. Спасибо.

— Я всё равно выезжаю. Куда вам?

— В офис. Мне там надо кое-что доделать.

Он кивает, берёт с подоконника пальто. Мы выходим в коридор. У лифта стоит прораб, протягивает ему лист. Ракитин просматривает и возвращает.

— Это я поменял в понедельник, вы не успели пересчитать. Согласуйте новую сумму и пришлите мне.

Прораб начинает объяснять, что в таком случае надо изменить ещё одну строку. Ракитин не дослушивает:

— Тогда меняйте обе. Я сказал — мне.

В лифте я отворачиваюсь от своего отражения в стальной створке. Белая полоса на юбке так и осталась.

— Инна Андреевна, — говорит он, когда выходим на улицу, — поужинаем сегодня?

Я останавливаюсь так резко, что он проходит ещё два шага и оборачивается.

— С Риммой Викторовной?

Он усмехается.

— Если вы без неё не едите, могу позвать. Но я хотел с вами.

Мне приятно до глупости, до стыда перед самой собой. Я готова согласиться, пока он не передумал, а потом пугаюсь: что я буду делать с этим мужчиной за столом? За рабочий разговор уже не спрячешься, а стоит ему спросить про мужа, и меня понесёт. Да я даже платье с утра выбрала не глядя, только чтобы чистое, и теперь стою с белой пылью на юбке, а он ждёт ответа.

— Спасибо. Но не надо. Мы по работе всё решим, вам не обязательно меня за это куда-то звать.

Я успеваю услышать, как это прозвучало, и уже открываю рот, чтобы поправиться. Ракитин перестаёт улыбаться и подходит ближе.

— Инна Андреевна, я вас зову, потому что вы мне нравитесь. Если сегодня не можете, я позову ещё раз.

Глава 6

— Сегодня я не смогу, — говорю я.

Мне бы сказать, что в другой день с удовольствием. Так ведь отвечают, когда мужчина нравится? Вместо этого я начинаю думать, что ужин в кафе он может принять за обещание, а я сама ещё не понимаю, на что готова. Глеб Сергеевич терпеливо ждёт, пока я разберусь хотя бы с одним словом.

— Муж? — спрашивает он.

Я поднимаю голову.

— Что?

— Вам сейчас муж звонил?

— Да.

— Ясно.

— Мы расходимся, — говорю я зачем-то.

Он перестаёт вертеть ключи на пальце.

— Давно?

— Неделю. Я не знаю, зачем вам это рассказываю.

Ракитин убирает ключи в карман.

— Значит, я с ужином поторопился.

От его спокойного голоса мне становится ещё обиднее за себя. Теперь будет осторожен, перестанет звать, чтобы не связываться с чужим разводом. А я ведь не хочу, чтобы он перестал. Хочу, чтобы ещё раз позвал и я могла подумать об этом вечером, когда останусь одна.

— Я сегодня не могу, — повторяю. — Правда.

— Тогда отложим ужин.

Он произносит это совершенно спокойно. Не уходит, продолжает стоять рядом, пока я вызываю такси.

— Точно сами до офиса доберётесь?

— Да. Уже вызвала.

— Хорошо. По панели берём ваш вариант, я сейчас подтвержу.

Он достаёт телефон, пишет короткое сообщение. У меня в приложении меняется номер машины, приходится проверять снова. Я бы уже попрощалась, но Ракитин не двигается, и мы ждём вместе.

— Вы можете ехать, — говорю я. — Тут три минуты.

— Могу.

Машина подъезжает, Ракитин открывает дверь и ждёт, пока я проверяю номер. Уже можно сесть, но я задерживаюсь рядом с ним.

— Я вам позвоню, — говорит он. — Уже не по панели.

Я улыбаюсь, хотя секунду назад собиралась ответить что-нибудь осторожное. Вроде того, что лучше сначала написать. Мне сорок восемь лет, а я стою перед открытым такси и радуюсь, что он всё-таки хочет позвонить.

— Позвоните.

Он дожидается, пока я сяду, придерживая дверцу.

— Тогда до звонка, Инна Андреевна.

Он закрывает дверцу. Водитель уточняет адрес, я подтверждаю и всё-таки оборачиваюсь. Ракитин ещё стоит у тротуара. Я успеваю увидеть, как он мне кивает, и поворачиваюсь обратно, прижимая телефон к сумке.

* * *

Через два дня Аркадий присылает фотографию синей папки. «Это она?»

Я успеваю подумать, что наконец-то нашёл документы на машину. Потом замечаю угол медицинского бланка.

«Нет. Посмотри в комоде ниже».

Телефон звонит почти сразу.

— Инна, я не про машину. Ты помнишь фамилию врача, к которому мне в конце месяца ехать?

Я сижу за своим столом, собираюсь открыть письмо поставщика. Поднимаю глаза на Оксану: она разговаривает по телефону в другом конце комнаты. У меня есть несколько минут. Надо просто ответить, и он отстанет.

— Климов. Геннадий Андреевич.

— Вот. Точно. Вчера я перепутал фамилию врача, и мою запись не нашли.

— Скажи, что ты к нему на повторный приём. У тебя в выписке написано.

— Сейчас, подожди. Жанна запишет.

Я отнимаю телефон от уха, смотрю на экран. Его имя не меняется.

— Здравствуйте, Инна, — произносит женщина.

Голос у неё негромкий, с хрипотцой. Она произносит моё имя запросто, будто Аркадий уже представил нас друг другу и я просто давняя знакомая, у которой можно спросить нужный телефон. Я цепляюсь за эту хрипотцу: наверное, моложе меня. Или не моложе. Я ведь ничего о ней не знаю, кроме того, что сейчас они вместе, а я на работе объясняю, как лечить моего мужа.

— Геннадий, верно? А отчество как?

— Андреевич.

— И фамилию.

Я повторяю. Она говорит «записала», спрашивает номер центра. Я помню его наизусть, как номер Лериного детского сада, который не нужен уже лет восемнадцать. Диктую первые три цифры и замолкаю.

Оксана подходит к шкафу, вытаскивает папку, не смотрит на меня. Я отворачиваюсь к стене.

— Дальше? — спрашивает Жанна.

Я слышу, как рядом Аркадий что-то объясняет. «У неё всё есть, сейчас скажет».

— Инна, вы меня слышите?

— Слышу.

— Он собирается на приём, нужно понять, что брать. Может, вы назначения сфотографируете? Мне в мессенджере. Я вам напишу, чтобы номер был.

Я уже готова спросить, последние ли анализы они нашли. Вижу перед собой ящик, где что лежит, знаю, какую страницу он сейчас открыл не там. Аркадий подсказывает ей что-то вполголоса. Неужели он даже не подумал, как мне будет слышать их вдвоём? Или подумал и решил, что я всё равно отвечу? Я ведь отвечаю.

— Синяя папка у него в руках, — говорю я.

— Здесь много всего. Не совсем понятно.

— Пусть откроет. Там по порядку.

Жанна отодвигает трубку, повторяет ему мои слова. Я слышу знакомое шуршание пластиковых файлов. В нём ничего особенного, а у меня во рту появляется больничный привкус, как в те дни, когда обедала возле автомата: тёплая вода и сухое печенье, которое уже не хотелось жевать.

— Вот, — говорит Аркадий. — Здесь другое число.

— Это дата прошлого приёма, — отвечаю я прежде, чем он успевает спросить.

— А, точно.

Аркадий смеётся. Жанна тоже, тихо, будто им двоим понятно что-то, чего не нужно объяснять мне. Меня обжигает такая ревность, что я не могу сразу вдохнуть. Я же совсем недавно

радовалась, когда он снова начал смеяться. Звала Леру послушать, как папа шутит, а она сердилась: «Мам, я не по заказу». И я всё равно радовалась.

Я всё ещё держу трубку, чтобы подсказать, какой лист им взять.

— Инна? — Жанна возвращается к трубке. — Простите, ещё минуту. Мы в мае уезжаем, надо перенести приём. Вы же Аркадия записывали. Можете узнать, на какой день перенести?

— Нет.

Она замолкает.

— Что — нет?

— Я больше не записываю Аркадия к врачам. У него есть телефон центра. Он может позвонить сам.

Выпаливаю это почти на одном дыхании. И следом:

— Только не отменяйте приём, пока вам не подтвердят новую дату.

Закрываю глаза. Господи, опять.

— Конечно, — отвечает Жанна. — Я поэтому и хотела уточнить. Он говорил, вы обычно всё это делали.

— Да.

У меня на столе лежит бланк с именем заказчика. Я веду пальцем вдоль чужой фамилии, чтобы чем-то занять руку. Мне хочется спросить эту женщину, где она была полтора года. Хотя я уже знаю: ждала. Не стирала простыни, не помогала ему добраться до душа, не выслушивала, что всё делаю неправильно. Ждала, когда он выйдет из больницы, вернётся на работу и снова станет тем, с кем можно уехать отдыхать.

— Я перезвоню ему позже, — говорю я. — Если понадобится.

И тут же ненавижу себя за эти последние три слова.

— Хорошо. Я напишу вам со своего номера. Спасибо, что спокойно к этому относитесь.

— К чему?

Жанна запинается. Слышу её шаги. Они отдаются в трубке, будто Жанна вышла в коридор.

— К нашему общению. Аркадий говорил, что вы давно всё понимаете.

Я прижимаю телефон плотнее.

— Что, по его словам, я понимаю?

— Мне не хочется обсуждать ваши отношения. Правда. Он сказал, после болезни вы уже жили как соседи.

Глава 7

— Дайте ему трубку, — говорю я.

— Инна, я не хотела вас обидеть.

— Передайте трубку Аркадию, пожалуйста.

Несколько секунд слышны только шаги, потом муж произносит моё имя. Осторожно. Уже знает.

Я встаю, выхожу в коридор. У переговорной никого, дверь открыта. Захожу и закрываю за собой.

— Мы жили как соседи?

— Я сейчас не могу говорить.

— А мне можно слушать, как твоя женщина благодарит меня за спокойствие?

Он тяжело выдыхает.

— Ты же понимаешь, что я должен был что-то ей сказать.

— Нет. Не понимаю.

В переговорной расставлены стаканы для следующей встречи. Четыре одинаковых, по одному возле каждой папки. Я тяну к себе ближайший, потом отодвигаю обратно. Пить нечего, кувшин пустой.

— У нас были проблемы, — говорит Аркадий.

— Были. Ты болел.

— До этого тоже. Не надо делать вид, что всё идеально.

Я прислоняюсь спиной к двери. До стула два шага, но я остаюсь стоять. Пускай не слышит, как мне плохо.

— Помнишь, что ты мне в декабре сказал?

— Инна…

— Когда сам дошёл до магазина. Купил мне глупого фарфорового зайца, потому что цветов там не было. Ты пришёл, сказал: «Ну вот, Лаврова, могу теперь снова за тобой ухаживать». Помнишь?

Он молчит. Я смотрю на телефон, проверяю, не оборвалось ли соединение.

— Помню.

У меня начинает дрожать подбородок. Я сжимаю зубы, чтобы он не услышал, но голос всё равно ломается:

— И в тот вечер мы с тобой спали. Или это я тоже придумала?

— Не придумала.

— Ты тогда тоже с ней разговаривал? Ты позвонил ей до того, как мы были вместе, или после?

— Перестань.

Я отрываю затылок от двери. В стекле напротив вижу своё отражение и бледный прямоугольник телефона у щеки.

— Ты ей так сказал, чтобы она не ревновала?

— Да. Хотел успокоить. А ты теперь что хочешь? Чтобы я ей всё пересказал?

— Не смей говорить ей, что мы с тобой жили как соседи! И больше не давай ей трубку, когда звонишь мне. Сам с ней разбирайся.

Я отключаюсь, прежде чем он успевает ответить.

Потом стою в переговорной, пока кто-то не тянет дверь с другой стороны. Отступаю. Секретарь просовывает голову.

— Инна Андреевна, сюда сейчас придут.

— Да, я уже ухожу.

У себя за столом открываю мессенджер. Там незнакомый номер и сообщение: «Жанна. Пишу со своего номера. Если найдёте назначения, пришлите мне сюда».

Я печатаю: «Всё, что вам нужно, лежит у Аркадия дома». Стираю слово «дома», пишу «в папке». Отправляю.

Зайца надо забрать. Он стоит у нас на полке, возле Лериного выпускного снимка. Потом всю неделю вспоминаю его в совершенно неподходящее время. Проверяю письмо, и вдруг перед глазами заячья кривая морда, одно ухо чуть короче другого. Смешной, дешёвый. Я тогда правда обрадовалась.

* * *

В следующую среду, восемнадцатого марта, задерживаюсь в офисе до восьми. Оксана ушла полчаса назад, я заканчиваю сверять замену по другому заказу. Два дня назад туда отправили лишние позиции, теперь надо разнести, кому что отвезут. Текст расплывается, приходится придвигаться к экрану.

Пишу поставщику, обещаю утром подтвердить окончательно. Отправляю и наконец откидываюсь на спинку стула.

В животе ноет. Обедала в час, потом всё собиралась сходить в магазин. Аркадий тоже, наверное, опять засиделся. Я раньше брала ему с собой контейнер, а теперь он не берёт. Скажет, что поел где-нибудь, а потом приедет домой голодный, как всегда.

Я достаю телефон.

«Ты поел?»

Смотрю на два коротких слова. Палец уже над стрелкой.

Он не дома будет есть. Или дома, только с ней. Может, прямо сейчас они сидят на нашей кухне. Она не знает, что ему нельзя ставить под локоть высокий стакан: заденет, если устанет рука. Сначала вспыхнет, а потом будет сидеть и смотреть на пролитую воду так, что не выдержишь, подойдёшь сама.

Стираю вопрос. Потом снова набираю «Ты» и удаляю уже всё сразу.

Кладу телефон возле клавиатуры. Через минуту он звонит.

Глеб Ракитин.

— Вы ещё на работе?

Я откашливаюсь.

— Да. Я всё отправила Оксане. Завтра она посмотрит.

— Я видел. Во сколько заканчиваете?

— Уже собираюсь. Что-то срочное?

— Я хочу вас встретить.

Я смотрю на закрытую дверь офиса.

— Зачем?

В трубке тишина. Потом он коротко смеётся:

— Затем, что хочу увидеться, Инна Андреевна. Я недалеко. Через пятнадцать минут буду, выходите.

— Я могу сама добраться.

— Да я уже к вам еду. Вы сегодня ели?

Я зажимаю телефон плечом, закрываю ноутбук и укладываю в сумку. Потом проверяю, взяла ли зарядку, хотя только что видела её у себя в руках. Он ещё не приехал, а я уже так тороплюсь, будто могу его не застать.

— Да.

— Тогда просто отвезу.

— В час.

— Что — в час?

— Ела в час.

— Ну тогда заедем куда-нибудь, — произносит он. — Спускайтесь через пятнадцать.

На улице холодно. Я застёгиваю пальто до подбородка, держу сумку с ноутбуком перед собой. Машина останавливается у бордюра. Глеб выходит, обходит капот.

— Давайте.

Он забирает сумку, ставит на заднее сиденье и придерживает дверцу. Я сажусь, не пытаясь отнять у него ноутбук: тяжёлый же, хорошо, что сам взял.

В машине тихо играет радио. Он убавляет звук, спрашивает, тепло ли мне. Я зачем-то рассказываю, как сильно дуло на улице и как к вечеру остыли батареи в офисе.

Замолкаю.

— Я как будто на отчёте, — признаюсь я.

Он смотрит на меня, задержавшись перед выездом.

— У меня на отчёте обычно не рассказывают про батареи.

Я улыбаюсь, хотя хотелось бы сердито спросить, что вообще ему от меня нужно. Чтобы он ещё раз сказал. Внятно, как возле объекта. А я бы наконец поверила.

Мы останавливаемся у небольшого кафе. Я знаю его: сюда удобно было заезжать между работой и реабилитационным центром. Вхожу и сразу проверяю время, сколько осталось до занятия. Ловлю себя на этом и отворачиваюсь от часов над стойкой.

Глеб замечает.

— Вам надо домой?

— Нет.

— Тогда садимся здесь?

Я снимаю пальто и сажусь. Глеб садится напротив и начинает рассказывать про дверь, которую на объекте поставили не туда. Сначала я слушаю, готовая в любую секунду объяснить, что меня не надо жалеть. Потом увлекаюсь: прораб ему предложил перенести стену, лишь бы дверь не трогать. Глеб до сих пор злится, пересказывает почти слово в слово, и я смеюсь раньше, чем он успевает договорить.

— У нас так с цветами, — говорю я. — Раз мы уже сделали, теперь вам должно понравиться.

Он усмехается, пододвигает меню. Мне хочется горячего супа. Листаю меню, пока он не поднимает голову:

— Я голодный. Возьму первое. Вы?

— Тоже.

Я спрашиваю про другой его объект, мы спорим о сроках, потом он забывает, что хотел сказать, и улыбается мне через стол. Я тоже забываю свой вопрос. У него красивый рот — я смотрела на него утром, когда он сердился, а теперь никак не могу отвести глаза. Приходится взять меню, хотя мы давно сделали заказ. Глеб замечает, но продолжает говорить как ни в чём не бывало.

После кафе он везёт меня к съёмной квартире. Я называю адрес, потом объясняю, с какой стороны подъезд.

Во дворе звонит телефон.

Я знаю, кто это, ещё до того, как достаю. Глеб паркуется, выключает двигатель. Тишина в машине становится почти полной.

— Да, Аркадий.

— Ты где? Я тебе два раза писал.

Смотрю на экран. Действительно, писал. Я не заметила.

— Не видела.

— Инна, сумку не забудьте, — говорит Глеб, открывая свою дверь.

Глеб выходит, достаёт мою сумку с заднего сиденья. Я смотрю на него через стекло. Он закрывает дверь, ждёт, не торопит.

Муж молчит. Потом спрашивает совсем другим тоном:
— Это кто там?

Глава 8

Я закрываю глаза. Можно сказать, что с заказчиком. Что подвёз после работы, мы обсуждали проект. Всё это будет почти правдой, Аркадий успокоится, а я выйду из машины и поднимусь к себе.

— Аркадий, я сейчас говорить не могу. Позже.

— Ты что вытворяешь?

Я открываю глаза. Глеб стоит возле капота с моей сумкой в руке. От его спокойного ожидания мне становится ещё стыднее за то, что слышно из телефона.

— Аркадий, давай завтра.

— Нет, сейчас. Ты с кем? Он у тебя?

— Я не буду тебе это объяснять.

— Инна, я тебя спросил, с кем ты.

— А я уже сказала, что не буду перед тобой отчитываться! Ты сам мне сказал, что любишь другую. Я ушла. Как ты думаешь, что я должна теперь делать по вечерам?

— Ты понимаешь, как это выглядит?

Я смеюсь. Тихо, почти беззвучно, потом говорю:

— Нет. Расскажи.

В трубке слышно его дыхание. Я слишком хорошо его знаю и сейчас уже представляю: он упёрся рукой в бок и сжимает телефон другой рукой. Смотрит на стену, потому что злится и не хочет ни на что отвлекаться.

— Дома поговорим, — говорит он.

— Завтра ты привезёшь образцы, которые я не забрала. Позвони днём. Сейчас не надо.

Я отключаюсь.

Пальцы не слушаются, когда пытаюсь убрать телефон в карман. Он падает между сиденьем и дверью. Я наклоняюсь за ним, задеваю коленом панель. Глеб открывает дверь снаружи.

— Что у вас там?

— Телефон уронила.

Он ставит сумку на сухой край тротуара, ждёт, пока я выберусь. Потом наклоняется, достаёт телефон. На экране снова имя мужа.

Глеб протягивает его мне экраном вниз. Я отключаю звук.

— Мне не стоило при вас с ним спорить, — говорю я.

У него жёстко сжат рот. Я замолкаю. Ну вот, поужинали. Завтра позвонит насчёт столов и будет говорить только о них.

— Он и раньше так с вами разговаривал?

Я смотрю на закрытую дверь машины.

— По-разному.

— Понятно.

Он подхватывает сумку, идёт рядом до подъезда. Я отпираю дверь домофонным ключом.

В подъезде я оборачиваюсь.

— Спасибо за вечер. Мне было хорошо.

Я произношу это торопливо, чтобы он успел услышать, пока я снова не начала оправдываться. Глеб смотрит прямо на меня.

— Мне тоже. В следующий раз заберу пораньше. В восемь часов вы уже злая от голода.

Я улыбаюсь. У него всё ещё жёстко сжат рот, и спрашивать об Аркадии больше не хочется.

Когда он отдаёт сумку, его пальцы на секунду касаются моего локтя. Я не успеваю ни придвинуться, ни отойти, а он уже убирает руку. В лифте улыбаюсь своему отражению и тут

же отворачиваюсь: сейчас опять начну придумывать целый роман из одного прикосновения. Он всего лишь придержал меня, пока я перехватывала тяжёлую сумку.

У себя долго не включаю верхний свет. На столе в комнате лежит квитанция об аренде, на подоконнике Лерин пакет с яблоками. Я ставлю сумку на пол, снимаю пальто. Телефон вибрирует в кармане.

Три сообщения от Аркадия.

«Ты сейчас не в себе».

«Я завтра приеду».

«Не делай того, о чём пожалеешь».

Я набираю целый ответ: и про Жанну, и про отпуск, и о том, что сейчас же могу прислать ему её номер, если он забыл, кому собирался звонить по вечерам. Чем больше пишу, тем злее становлюсь. Он ещё и решит, что я оправдываюсь за этот ужин. Что я только для него с другим мужчиной поела, чтобы увидел и вернулся.

Стираю.

Пишу только: «Образцы заберу внизу. Позвони перед тем, как поедешь». Добавляю адрес. Удаляю номер квартиры, который набрала автоматически.

Кольцо я снимаю уже в ванной. Под водой оно наконец сходит, и я держу его на ладони, не решаясь положить на чужую раковину. Аркадий ведь до сих пор носит своё. С Жанной был, а кольцо не снимал; оно у него, наверное, ничего не значит, просто привык. Я столько лет смотрела на это кольцо и думала, что оно что-то значит.

Я прячу кольцо в маленький карман косметички, между пластырями и запасной резинкой. Потом застёгиваю карман, чтобы не вывалилось. Выбрасывать не буду. Продавать тоже не собираюсь. Пусть лежит. У меня больше и спрятать-то его некуда, чтобы с утра опять не увидеть.

Аркадий больше не пишет.

* * *

На следующий день он звонит, когда я уже еду домой с работы. Говорит, что привёз образцы и заодно мои вещи. Стоит у дома, в котором я сняла квартиру. Просит выйти навстречу: пакетов много.

Смотрю на карту в приложении: до дома ещё десять минут. Говорю, что скоро буду. Аркадий недовольно сопит в трубку.

— Я же попросила позвонить перед выездом.

— Я не знал, сколько времени потеряю в пробках. Сейчас уже приехал, что мне — обратно ехать?

— Я в дороге, Аркаш. Как приеду, так приеду.

Водителю писать не стану.

Возле подъезда мы едва не сталкиваемся: я подхожу со стороны парковки, он выходит из машины. В руках два пакета, на сгибе локтя висит моя куртка.

— Ты почему без шапки?

Я смотрю на него и вдруг чувствую такую усталость, что хочется сесть прямо на бордюр.

— Это всё?

— Там ещё коробка. Поднимемся?

— Я выйду за ней.

— Инна, не дури. Тяжело же.

Пока спорим, из подъезда выходит соседка. Аркадий придерживает дверь, пропускает её и смотрит на меня. Пакеты врезаются ему в пальцы, и я по привычке забираю у него один пакет. Он идёт за мной к лифту.

У двери квартиры ставлю пакет на пол. Муж ставит рядом второй и выпрямляется, потирая ладонь. Не замечает, как я открываю дверь ровно настолько, чтобы проскользнуть внутрь и накинуть цепочку.

— Я принесу коробку, — говорю я.

— Куда тебе? Я сейчас сам.

Уходит вниз, пока я протаскиваю через щель пакеты. Сверху мои тёплые носки, под ними рубашка, которую купила ему перед больницей. Зачем он её положил? Потом же сам будет спрашивать, не забрала ли я её случайно.

Когда он возвращается, коробка еле пролезает в щель. Аркадий тянется за ней, словно тоже собирается войти.

Цепочка натягивается.

Он замирает, смотрит на неё, потом мне в лицо.

— Ты серьёзно?

Я берусь за край коробки.

— Отпусти. Я поставлю.

Аркадий медленно выпускает картон. Я втягиваю коробку, ставлю у стены. Пыль остаётся на ладонях. Вытереть не обо что.

— Мне в квартиру к тебе уже нельзя?

— Сейчас я не хочу.

— А вчерашнему можно?

Ему, наверное, и правда кажется, что я нарочно издеваюсь этой цепочкой. За двадцать пять лет я даже дверь в ванной редко закрывала, когда он был дома. Теперь держу его на площадке и сама не верю, что могу так разговаривать с мужем. Поэтому отвечаю громче, чем собиралась:

— Не смей так про него говорить. Ты мне позвонил, стал орать в трубку. Я потом стояла перед человеком и не знала, куда деться.

— А что я, по-твоему, должен был подумать? Я неделю не понимаю, что происходит. Ты не отвечаешь, приехать нельзя, поговорить нельзя. Ты же сама говорила, всё нормально обсудим.

— Ты со мной всё обсудил. Рассказал, что едешь с другой. Даже квартиру мне нашёл. Что я ещё должна обсудить?

Он опирается рукой о косяк.

— Я, может, не так всё сказал.

У меня слабеют пальцы на двери.

— Что — не так?

— С отпуском. Надо было сначала с тобой поговорить. По-другому. Мы оба наговорили.

— А я тебе что наговорила?

Он хочет ответить, но видит моё лицо и меняет тон:

— Хорошо, я. Я наговорил. Инна, ну открой. Стоим как чужие.

За его плечом загорается свет у лифта. Я смотрю туда, пытаясь понять, есть ли ещё кто-нибудь на площадке.

— Я не открою.

Он убирает руку с косяка. Несколько секунд молчит. Потом тихо спрашивает:

— Ты хоть иногда вспоминаешь, что со мной было? Мне до сих пор нельзя так нервничать. Я вчера полночи не спал. Ходил по квартире, думал, где ты.

Я смотрю ему в лицо. Мне нужно спросить, как он себя чувствует, болит ли что-нибудь. Вопрос уже во рту, я прикусываю щёку изнутри.

— Жанне позвони, — говорю я. — Может, она знает.

Аркадий проводит ладонью по затылку.

— Я ей сказал, что не поеду. Инна, давай попробуем всё вернуть.

Глава 9

— Что вернуть? — переспрашиваю я.

— Нас, Инна. Семью.

Его лицо совсем близко, за узкой щелью. Я вижу маленькую царапину на подбородке: порезался, когда брился. Так и не научился не торопиться, хотя я ему сколько раз говорила.

— Ты её любишь, — произношу я. — Сам сказал.

— Я запутался.

— Долго ты путался.

— Да. Долго. Я знаю, что виноват. Но можно хотя бы попробовать поговорить? Нормально, без этой цепочки?

Я смотрю на цепочку, которую он никак не перестанет замечать. Её здесь ещё хозяйка поставила, я до вчерашнего вечера даже не проверяла, держится ли. А сейчас мне стыдно перед Аркадием за чужой замок, и я готова объяснять ему это, чтобы только перестал смотреть на меня как на виноватую.

— Вы расстались? — спрашиваю я.

Аркадий кивает.

— Да.

— Ты ей сказал, что хочешь вернуться ко мне?

— Сказал.

Он отвечает без запинки. Я столько раз видела его насквозь: когда собирался ещё поработать и обещал лечь через десять минут, когда подаренный мной свитер не нравился и он делал вид, что просто жарко. Сейчас смотрю и ничего не понимаю. Может, уже научился. Он же сумел полтора года разговаривать со мной так, чтобы я верила.

— Из-за того, что ты вчера услышал мужчину?

Он смотрит вниз, на пакет у моих ног.

— И из-за этого тоже. Да. Не хочу тебе врать. Услышал и весь вечер места себе не находил.

Я рада, что ему было плохо. До того рада, что хочется заставить его повторить, как он ходил по квартире и думал обо мне. Ведь думал, раз приехал. Не о Жанне, не о своём отпуске — обо мне. И я тут же пугаюсь этой радости: сейчас он скажет ещё два слова, а я начну помогать ему искать оправдание, почему он сначала ушёл.

— А я полтора года места себе не находила, — говорю я. — Я не знала, что ты снова сможешь делать сам и как мы дальше будем жить.

— Я помню.

— Нет. Ты не помнишь. Ты ждал другого.

Он поднимает руку к косяку, но останавливается и опускает.

— Я думал, мы и дальше сможем нормально общаться.

— Что я соглашусь на квартиру и буду отвечать по первому звонку?

Аркадий хмурится.

— Не передёргивай. Я не говорил, что по первому звонку.

Я почти закрываю дверь, он торопливо добавляет:

— Подожди. Ну вот видишь, мы опять. Я сейчас двух слов связать не могу, Инна. А дома пусто без тебя. Не с кем даже поговорить.

— Ты не разговаривать мне звонил. Тебе папки были нужны.

— А как я должен был позвонить? Сказать, что соскучился? Ты бы поверила?

Я не знаю, что ответить. Он замечает это, делает осторожный шаг ближе.

— Давай дома встретимся. У нас. Я всё объясню. У тебя там ещё вещи, спокойно соберёшь, если решишь. Я не буду держать.

На площадке хлопает дверь. Мы оба замолкаем, пропуская незнакомого мне соседа. Он здоровается, я отвечаю, всё ещё держась за край своей двери.

— В субботу, — говорю я наконец. — Днём. Я приеду за вещами. И поговорим.

Аркадий выдыхает и на мгновение улыбается.

— Я приготовлю. Помнишь, как раньше обедали по субботам?

— Не надо готовить. Аркаш, я только поговорить приеду. Ничего тебе не обещаю.

Улыбка исчезает, но он кивает. Спрашивает время, я называю час. Стою за дверью, пока не слышу, как открывается лифт.

После его ухода я вытаскиваю из пакета чужую теперь рубашку — ту, которую он по ошибке привёз с моими носками. Собиралась положить отдельно, чтобы не забыть вернуть. А сама подношу воротник к лицу и вдыхаю, прежде чем успеваю остановиться. Запах почти выветрился, только у самого сгиба ещё пахнет им.

Я отбрасываю рубашку на коробку и сажусь на пол. Не хочу, чтобы он видел, что со мной делает одна его вещь. Но его здесь нет, а мне всё равно стыдно, будто он стоит рядом и знает: вот так я по нему скучаю, а у двери ещё пыталась с ним торговаться.

* * *

Лере я говорю на следующий день. Она приехала забрать у меня образцы для своего проекта; я кладу коробку на стол, освобождаю место, рассказываю про субботу.

Дочь сразу перестаёт распаковывать.

— Зачем?

— Я хочу послушать, что он скажет.

— Он тебе уже сказал. Всё сказал, мам.

— Ты предлагаешь вообще с ним не разговаривать? У нас ещё квартира общая, и не все вещи я забрала.

— Вещи можно забрать. Я могу с тобой поехать.

— Я одна хочу.

Лера садится за стол, убирает образцы обратно. Я придвигаю к ней коробку, но она качает головой.

— Возьму потом.

Я сажусь напротив дочери. Она смотрит на меня почти так же, как я смотрела на неё, когда она собиралась вернуться к своему первому парню. Я тогда всё понимала про него лучше неё и не могла уразуметь, почему моих объяснений мало. Теперь очень хочется, чтобы Лера перестала быть такой разумной и просто посидела со мной. Только я не знаю, как это попросить.

— Ты опять на меня злишься? — спрашиваю я.

— Я боюсь за тебя. Ты после каждого его звонка другая. Я тебе рассказываю что-то, а ты слушаешь и ждёшь, когда можно будет в телефон посмотреть.

— Я тебя слушаю.

— Мам.

Я отворачиваюсь. Вчера вечером я и правда почти не слушала её голосовое, всё перечитывала Аркадиево «в субботу». Но признаться в этом сейчас — всё равно что согласиться, что я понапрасну ухожу из дома и потом сама туда прошусь. А я ещё не могу решить, напрасно или нет.

— Мне в субботу к заказчикам, — продолжает Лера. — Я не смогу тебя забрать, если вы опять поссоритесь.

— Я сама уеду, Лер. Ты работай.

Дочь проводит ладонью по столу. В одном месте скатерть собирается складкой.

— Ты хочешь, чтобы он попросил прощения?

Я киваю.

— Он просит.

— Я знаю.

— Тогда что ещё?

Я смотрю на её тонкие пальцы, на ноготь с отколовшимся лаком. Раньше возмущалась, что она обдирает покрытие, когда нервничает. Сама сегодня весь день трогаю пустой палец, где было кольцо.

— Хочу, чтобы хоть что-то осталось правдой, — говорю я. — Я ведь верила ему, когда мы говорили о будущем. И он мне, наверное, тоже. Лер, я не могу просто сказать себе, что всё придумала. Я же там жила. Мне было хорошо.

Дочь встаёт, подходит ко мне. Я упираюсь лбом ей в живот, обхватываю за талию. Она кладёт ладонь мне на затылок, гладит, не пытается больше объяснять.

Когда уходит, забирает образцы. Я напоминаю, что светлые могут по-другому выглядеть возле её зелёной стены. Лера останавливается в дверях.

— Ты слушала?

— Слушала, дочка. Только плохо отвечала.

Она улыбается, но глаза у неё всё ещё красные.

Вечером звонит Глеб. Я до звонка успеваю дважды открыть наш короткий разговор в мессенджере. Там сообщение про объект и одна фраза: «Доброе утро, Инна Андреевна». Никаких сердечек, никаких намёков. Я отвечала ему утром ровно столько времени, сколько занимает выбор между «доброе» и «доброе утро».

— В субботу ужинаем? — спрашивает он.

Я хожу по комнате с телефоном. До противоположной стены шесть шагов, если не задевать край дивана.

— У меня в субботу разговор с мужем.

Он молчит, и я останавливаюсь возле окна.

— Там ещё мои вещи, и нам надо кое-что обсудить. Он просит встретиться.

— Вы сами хотите с ним встретиться?

— Да. Я хочу понять, что он скажет.

Сказала. Теперь, наверное, попрощается. Я стою у окна и жду его ответа, хотя могла бы уже сама закончить разговор.

— Понял, — говорит Глеб.

— Я не знаю, как вам это объяснить.

— Вы уже объяснили. В воскресенье я свободен до вечера.

В воскресенье? Я отхожу от окна, даже встаю прямее.

— Давайте в воскресенье. Я тоже свободна.

— Тогда в воскресенье. Я позвоню утром.

После разговора хочется улыбнуться, но я вспоминаю субботу, и улыбка получается кривой. Подхожу к шкафу, выбираю, в чём поеду к Аркадию. Достаю одно платье, другое. Сердито вешаю оба обратно. Зачем наряжаться? Чтобы он заметил? Чтобы пожалел, посмотрел на меня так, как смотрел раньше?

В субботу утром Аркадий присылает: «Жду тебя. Купил твои мандарины». Потом ещё одно: «С листочками, как ты любишь».

Я читаю и знаю, что расплачусь, если сейчас отвечу.

В половине первого уже одета. Проверяю в сумке паспорт, ключи, список того, что надо забрать. Смотрю на кольцо в кармане косметички, но не надеваю.

У двери приходит сообщение с Жанниного номера.

«Аркадий сказал, что возвращается к вам».

Следом второе:
«Вы знаете, что он обещал сделать, как только встанет на ноги?»
Под сообщением появляется голосовой файл.

Глава 10

Я стою у двери с сумкой на плече. Я уже вставила ключ в замок. На экране имя Жанны и серый прямоугольник голосового сообщения.

Пишу Жанне: «Зачем вы мне это прислали?»

Она отвечает почти сразу:

«Потому что он сказал, что ошибся. Что любит вас. А мне что тогда было — показалось?»

Я снимаю сумку, ставлю на пол. Сажусь на единственную табуретку в прихожей. До нашей с Аркадием встречи полчаса.

«Вы хотите, чтобы я отказалась с ним разговаривать?»

Сообщение прочитано. Долгое время ничего нет. Я смотрю на часы, на край сумки, на свои колени. Надо уже выходить. В субботу дорога может занять сорок минут.

Телефон звонит. На экране Жанна.

Я отвечаю.

— Я не собираюсь мешать вам, — говорит она без приветствия.

— Уже мешаете.

Она молчит. Потом произносит резче:

— Он мне тоже обещал. Вы не одна, кому он что-то обещал. Я ждала его, когда он болел. Полтора года ждала.

— Знаю.

— Нет. Не знаете. Он говорил, что между вами давно ничего нет. Что вы ему как родственница. А теперь выясняется, я сама всё придумала, и он любит жену. Удобно, правда?

Я смотрю на носок сапога. Вчера забрала из ремонта; молния теперь ходит легко. Мастер попросил примерить, я прошлась вдоль прилавка. Лучше бы молния опять сломалась. Отнести в ремонт, объяснить мастеру — я хотя бы знала бы, что сказать.

— Почему вы решили, что я должна это исправить?

— Я ничего не прошу исправлять.

— Тогда чего вы хотите?

— Чтобы вы знали, какой он. И если он опять вернётся ко мне после ваших семейных разборок, не делали вид, что ничего не понимали.

Я запрокидываю голову, касаюсь затылком стены.

— Жанна, я не выбираю, куда он пойдёт. Я сама от него ушла.

— А мне он сказал, что вы его ждёте.

Я закрываю глаза.

В сумке лежит список вещей, которые я собралась забрать. Ни в одном сообщении я не написала ему, что жду. Но выбирала платье, читала про мандарины. Он мог услышать в моём согласии на встречу то, что я сама ещё боялась услышать.

— Когда он это записал? — спрашиваю я.

Жанна говорит, что это было в марте прошлого года.

Я знаю этот март. Поездки в центр три раза в неделю, работа по вечерам, Оксана как раз приняла направление, от которого я отказалась. Я всё время носила запасную блузку в машине: Аркадий пил неловко, если уставал, мог пролить воду на себя и на меня. Через несколько месяцев стало лучше, и я перестала брать запасную одежду, радовалась, что сумка легче.

— Там есть ещё сообщения, — говорит Жанна. — Могу прислать, если захотите.

— Нет. Больше не присылайте.

— Сначала послушайте.

— Я услышала вас.

Отключаюсь.

Я могу включить запись прямо сейчас. Тут никто не помешает, и не придётся смотреть Аркадию в лицо. Но я уже злюсь на Жанну за то, что она всё знает раньше меня, ещё и выбирает, когда мне прислать. Я не хочу сидеть здесь и ждать от неё следующего сообщения, как будто теперь она решает, можно мне вернуться к мужу или нет.

Мне нужно спросить у него самого. Хоть раз увидеть, как он отвечает, когда я могу включить запись, а он уже не отмахнётся: «Ты неправильно поняла».

Пишу Аркадию, что выезжаю и могу немного опоздать.

Он отвечает: «Я дома. Жду».

* * *

У дверей нашей квартиры я достаю ключи и снова убираю. Звоню. Аркадий открывает сразу, отступает, пропуская меня.

— Привет.

Он выбрит, волосы ещё влажные. На нём тёмная рубашка, которую я дарила на прошлый день рождения. Ему идёт, он знает. Я сама тогда настояла, чтобы купил ещё одну такую же, только другого цвета.

— Привет.

— Проходи. Я думал, уже заблудилась.

Я смотрю ему в лицо. Он улыбается, но улыбка не держится. Замечает сумку в моей руке.

— Ты опять со своей? У нас же есть во что сложить.

— Я помню.

Прохожу в коридор, снимаю пальто. На крючке возле моего старого места пусто: синюю куртку он привёз мне в четверг. Внизу остались мои домашние тапочки. Я стою перед ними в носках, потом всё-таки надеваю. Пол холодный.

Из кухни пахнет едой. На столе тарелка с мандаринами, несколько с зелёными листочками. Два очищены и разделены на дольки. Он всегда так делал, когда мне нельзя было трогать цитрусовые из-за трещинок на пальцах. Я тогда жаловалась, что щиплет, и он стал чистить за меня, даже когда руки уже зажили.

Я ведь уже могла взять одну дольку и сесть на своё место. Он бы подвинул тарелку поближе, заговорил о чём-нибудь обычном, и я бы на минуту перестала помнить, зачем пришла. От этого до слёз хочется поесть мандаринов именно здесь, вместе с ним. Как будто можно вернуться хотя бы к тому вечеру, когда я ещё не знала про Жанну.

— Давай сначала поговорим, — говорю я.

Аркадий останавливается у плиты.

— Хорошо. Садись.

Я кладу телефон рядом с собой, сумку оставляю у стула. Он замечает пустой палец на моей руке. Смотрит дольше, чем нужно, и отводит глаза.

— Я своё не снимал, — говорит он.

Я не отвечаю.

Он садится, складывает руки на столе. Кольцо на месте. Было на месте и тогда, когда он спал с Жанной. Я смотрю на него, пока муж не убирает ладони под стол.

— Я хотел попросить прощения, — начинает он. — Не по телефону. Не когда ты в дверях стоишь и я даже посмотреть на тебя толком не могу.

— Сейчас можешь.

Он поднимает глаза.

«Ну что ты, ладно, не мучайся» — уже готово, уже на языке. Ему трудно подобрать слова, и я это вижу, и от того, что вижу, хочется дать ему какой-нибудь простой вопрос. Как раньше, когда он не мог выговорить и сердился. Подсказать половину, чтобы закончил сам.

Но он давно говорит нормально.

— Я тогда думал, мы как-нибудь договоримся, — произносит Аркадий. — С квартирой помогу, с деньгами. Лера взрослая, поймёт. Мне казалось, что, если я сам тебе всё скажу, ты со временем сможешь со мной разговаривать.

— А ты начнёшь заново?

Он кивает, сжав рот.

— Да. Я так думал.

— И что изменилось за эти почти три недели?

Муж проводит ладонями по бёдрам, опускает взгляд на мой телефон.

— Тебя нет. Я прихожу, а тебя нет. В ванной всё твоё осталось, ящик твой, чашка стоит. Думаю: сейчас позвоню. Потом вспоминаю, что ты можешь не взять. Раньше даже в голову не приходило.

Я слушаю, не перебивая, и сама себе противна за то, как хорошо мне от его слов. Он дома без меня не может. Пускай ещё скажет, что не спал, что каждый вечер ждал звонка. Мне же потом вспоминать это, когда снова уйду в однокомнатную. Я уже готова собирать про запас всё, за что можно будет держаться, лишь бы не думать, как он говорил то же самое другой женщине.

— Ты по мне скучаешь или по тому, что я всё делала?

— По тебе, Инна.

Он тянется через стол, накрывает мою руку. Я не сразу отнимаю. Ладонь знакомая, сухая, большой палец ложится на косточку у запястья. Я столько раз держала его за эту руку, пока он засыпал. Иногда засыпала сама, сидя возле дивана, и потом болела шея.

— Я ведь всё видел, Инна. Ты после работы приезжала за мной, а потом ещё занималась со мной дома. — Он сжимает мою руку. — Мне сказать-то нечего. Я привык, что ты рядом. Пока ты была, я даже не думал, что вот так может стать.

Он запинается. Я убираю руку и кладу её на колени.

— А с Жанной ты обсуждал, что будет после нашего разговора?

Аркадий смотрит на меня.

— Вы разговаривали?

Я киваю.

— Она тебе позвонила?

— Сегодня.

Он отодвигает стул, встаёт. Идёт к кувшину с водой, наливает себе полстакана. Пьёт стоя, повернувшись ко мне боком. Я вижу, как двигается горло.

— Что она сказала?

— Что я тебя жду. Ты ей так рассказал.

— Я сказал, что хочу домой.

— Это другое.

Он ставит стакан на стол.

— Да, ты права. Не надо было говорить за тебя. Я ей сказал, что всё закончилось. Она злится. Я понимаю, но она сейчас может наговорить тебе чего угодно.

— Она запись прислала.

Аркадий перестаёт говорить. Его рука остаётся возле стакана, пальцы медленно сжимаются.

А ведь я ещё даже не включила запись.

— Какую запись? — спрашивает он.

— Твой голос. Запись сделана в марте, год назад.

Я беру телефон. Муж обходит стол и подходит ко мне. Смотрит на экран раньше, чем я успеваю его разблокировать.

— Инна, давай без этого. Я могу объяснить, что ей говорил.

— Объяснишь. Только я сначала послушаю.

Я нажимаю на треугольник, прибавляю звук. Из динамика доносится шорох, потом его голос. Чуть медленнее, чем сейчас. С остановками между некоторыми словами. Я помню, как радовалась, что они становятся короче.

«Жанн, ну не начинай. Я сегодня еле доехал. Она меня потом ещё дома заставила заниматься, я устал».

Аркадий наклоняется ко мне.

— Выключи.

Он нажимает на экран. Голос обрывается. Я тяну телефон к себе, но Аркадий прижимает его к столу.

— Зачем ты выключил?

— Дай я сам объясню.

— Ты помнишь, что там дальше?

Он смотрит на меня. Я перестаю тянуть телефон.

— Я не думал, что ты когда-нибудь это услышишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.